

**БОЛЬШИЕ ТАЙНЫ
МАЛЕНЬКИХ
ГОРODOB**

ТАТЬЯНА **УСТИНОВА**

An abstract graphic consisting of two horizontal, irregular brushstrokes. The top stroke is light gray, and the bottom stroke is black, overlapping the gray one.

СЕЛФИ С СУДЬБОЙ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Оформление серии «Большие тайны маленьких городов»

С. Курбатов

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии «Русский бестселлер» *А. Старикова*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 Селфи с судьбой : [роман] / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с.

ISBN 978-5-04-123169-9 (Большие тайны маленьких городов)

ISBN 978-5-04-092705-0 (Русский бестселлер)

В магазинчике «Народный промысел» в селе Сокольничьем найдена задушенной богатая дама. Она частенько навещала в село, щедро жертвовала на восстановление колокольни и пользовалась уважением. Преступник — шатавшийся поблизости пьянчужка — задержан по горячим следам... Профессор Илья Субботин приезжает в село, чтобы установить истину. У преподавателя физики странное хобби — он разгадывает преступления. На него вся надежда, ибо копать глубже никто не станет, дело закрыто. В Сокольничьем вокруг Ильи собирается странная компания: поэтесса с дредами; печальная красotka в мехах; развеселая парочка, занятая выкладыванием селфи в Интернет; экскурсоводша; явно что-то скрывающий чудаковатый парень; да еще лохотенного вида джентльмен.

Кто-то из них убил почтенную даму. Но кто? И зачем?..

Эта история о том, как может измениться жизнь, а счастье иногда подходит очень близко, и нужно только всмотреться попристальней, чтобы заметить его. Вокруг есть люди, с которыми можно разделить все на свете, и они придут на помощь, даже если кажется — никто уже не поможет...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-123169-9 (Большие тайны маленьких городов)
ISBN 978-5-04-092705-0
(Русский бестселлер)

© Устинова Т.В., 2021

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Электричка загудела и надала, пассажиры качнулись вперёд, а потом назад. Пролетела, набирая скорость, осенняя бедная и голая станция под мелким дождём с тремя сошедшими дачниками в плащах и резиновых сапогах, и снова пошли за окнами поля и перелески, нищие деревеньки, и вдруг на горизонте над лесом возникла какая-то подозрительная труба, а потом переезд с бело-красным шлагбаумом, а к нему терпеливая очередь: две легковушки, «Газель» и лошадь с подводой — самая последняя.

Илья слушал басовитое гудение голоса в наушниках вначале внимательно, затем раздражаясь, а потом — то ли от покачивания поезда, то ли от того, что отвлекали мелькавшие за окнами чёрные ёлки и жёлтые берёзы — совершенно потерял мысль, выдернул из ушей пластмассовые штучки, заканчивавшиеся на тонких проводках, и стал тыкать в экран, чтобы остановить бухтение.

— ...дак вот я и говорю, — дедок напротив как будто продолжал рассказ. Илья взглянул на него с изумлением и неудовольствием и опять уставился в планшет, — что убить-то убили, а посадили-то безвинно обвиноваченного! А у нас всегда так, закон что дышло: куда поворотил, туда, стало быть, и вышло, только

все знают, что Петрович ни при чём! Вот хоть ты меня расстреляй — ни при чём Петрович!

— Какой Петрович? — машинально спросил Илья. Файл завис, и в наушниках, болтающихся на шее, всё продолжалось глухое размеренное бормотание.

Дедок удивился:

— Дак а я о чём тебе толкую?! Вон газетка-то у тебя заткнута, а там прям русским по белому сказано, что подозреваемый задержан! А какой он, на хрен, подозреваемый, если он не виноват ни в чём!.. Петрович не виноват, говорю!..

Не справившись с дурацким планшетом, Илья выдернул из гнезда наушники, чтоб в них не гудело, и скосил глаза на газету, засунутую в щель между спинкой и сиденьем. Он купил газеты в Ярославле, когда пересаживался с московского поезда на местную электричку, быстро и равнодушно прочитал, скомкал и бросил, решив, что лучше будет слушать доклад. Никодимов докладывал на учёном совете в минувший вторник, а Илья всё пропустил.

— А раз Петрович не виноват, — продолжал дедок, — стало быть, другой виноват! Кто-то ж её прикончил, не сама она... того, удушилась! Хотя кто вас разберёт, столичных...

Тут Илья вдруг сообразил, о чём дедок говорит, и это было... странно. Так странно, что он посмотрел внимательно и сел прямо, забыв про планшет.

— А чего ты глядишь на меня? Я старый уж, прямо говорю! Нету такого закону, чтоб людей в тюрьму сажать, потому что они, может, водку пьют и за себя не отвечают! Вот ты знаешь, почему Петрович водку пьёт? Вот ты можешь мне как следует ответить?

Дедок внезапно распалился, полез под синюю ватную куртку в нагрудный карман, сопя, покопался там, нацепил очки и уставился петушиным взором. Рядом с ним на пустом сиденье была утверждена корзина, укрытая куском брезента, в ногах стояла ещё одна, побольше, широкий потёртый ремень лежал у старика на колене.

— Нет, ты мне скажи, скажи!

— Да я бы сказал, — осторожно начал Илья, — но не знаю, что у вас случилось и кто такой... Петрович? И почему он водку пьёт, не знаю.

— То-то и оно-то! И никто не знает! А я знаю, я в Сокольничьем с малолетства вот такого живу! — Старик показал рукой невысоко от пола, почти вровень с корзиной. — А меня спросили? А вон соседей? А Клавдию? Клавдия в тот день с утра в лес ладилась, к обеду должна была вернуться, стало быть, путь ей один — мимо того магазина. И её не спросили!

Илья Сергеевич Субботин, доктор физико-математических наук, профессор и столичный житель, понятия не имел, как именно надо разговаривать в дальних электричках с привязчивыми стариками. И слишком невероятным было то, что попутчик *сам заговорил* о том, что в данный момент интересовало его больше всего, — об убийстве.

Слишком невероятно и странно.

— Ну, чего глядишь-то на меня?.. Я прямо говорю, как есть. На кой ляд Петровичу её душить? Он пьяненький был, да, кто спорит, бузил маленько, покрикивал. Гошка-милиционер его на площади усмирил да домой направил. А чего Гошка-то, он малец ещё! В отделение Петровича волочь? Так Петрович сроду

в собаку камнем не кинул, не то что в человека! Подумаешь, нашли там у него чегой-то в карманах! Мало ли откуда оно у него взялось! Может, сама затетёха подарила, мы ж не в курсе!..

— Секундочку, — перебил Илья, — я сути не понял. Что случилось? Где? Кого убили?

Старик недоверчиво крикнул, сдёрнул с носа очки и ткнул ими в кипу газет:

— Эвон как! Читал, читал, а дело ни с места! Или неграмотный?..

— Грамотный, — сказал Илья нетерпеливо, — но вы мне лучше расскажите. Это интересно.

— Интересно, — передразнил старик язвительно. — Всем интересно, а Петровича, стало быть, в тюрьму, да? Чего там рассказывать, всё уж рассказано, вон пропечатано даже! Когда это? На позатой неделе, дня за два до выходных припожаловала затетёха эта. Она по осени очень уж любит у нас в Сокольничьем бывать. Это у вас, у столичных, называется родину любить. И она туда же: красоты, говорит, тута расстилаются, глаз не оторвать! А что, у нас и вправду красотища. На Заиконоспасскую горку взберёшься, по сторонам глянешь, до самых печёнок проберёт! Вот она и приезжает..

— Секундочку, — опять перебил Илья. — Кто она?

— Лилия Петровна, кто, кто!.. Курпулентная из себя дама, видная такая, — дедок показал обеими руками, какая видная дама Лилия Петровна. — С директором, само собой, дела какие-то имела, он у нас ловкач, директор-то, пробу негде ставить.

— С каким директором?

— Да с нашим! Впрямь неграмотный, что ли, парень? Или ты не в Сокольничье едешь?

Илья кивнул — именно туда.

— Дак к нам все нынче едут!.. Летом вообще от народу не протолкнёшься, в предзимье-то и весной потише. Давно ли так стало! Совсем село наше загибалось, пьянь одна да старичье вроде меня, молодые все в Ярославль и в Москву подались, жить-то надо. Всё поветшало, в землю ушло, колокольня, почитай, завалилась! Один этот самый Дом творчества остался. А что с него возьмёшь, с Дома этого? Ремонту не было лет тридцать с гаком, двор весь бурьяном зарос, труба печная на честном слове держалась, так её ветром разнесло по кирпичику! И не ехал никто, кто ж поедет?! А при советской власти у нас и режиссёры всякие, и художники, и писатели — все живали! Пили — страсть, этого не отнять, душевно пили. Особенно эти, которые писатели. Вот, помню, приехал один, машина «Чайка» его привезла, знаменитый, стало быть, писатель! Постой, как его звали-то?..

Илья не удержался и опять перебил:

— Значит, раньше не ехали к вам, а теперь поехали, и эта Лилия Петровна тоже приезжала?

— То и дело приезжала! Я про то тебе и толкую, а ты слова сказать не даёшь!

— А про что вы мне толкуете?

— Про директора, Олег Палыча! Да кабы не Олег Палыч, пропали бы мы совсем!.. Ну, он молодой, энергичный, из новых. Лет десять назад явился и давай туда-сюда шуровать! Уж не знаю, где он денег наворовал, только наворовал, видать, знатно, потому дела у него пошли! Пошли дела-то! — Старик вытянул руку и стал перед носом у Ильи загибать пальцы. — Колокольню поправил, «творчество» отремонтировал, деревьев на-

садил, торговую площадь замостил, магазины открыл. Музей наладил, да не один! У нас их теперь, музеев этих, если посчитать, на круг больше пяти выходит. Вот давай вместе, гляди: Музей русской предприимчивости, Музей музыкальных феноменов...

— И всем руководит Олег Павлович?

— Он! Ух, оборотистый мужик! Жулик, видать, первостатейный!

— Да почему непременно жулик? — профессорским тоном спросил Илья Сергеевич Субботин. До этого профессора удавалось сдерживать, а тут он всё же подал голос. Обычный парень Илья Субботин за ним не уследил. — Откуда вы знаете? Может, этот ваш знатный директор денег не воровал, а честно заработал?

Дедок даже поперхнулся от негодования:

— Да иди ты!.. Чтоб на Руси-матушке да не воровать?! Нет, вы поглядите на него, на голубя сизокрылого! И тратить! Деньги, добытые честно!

Илья посмотрел на старика, а старик на него. Электричка покачивалась, и небо заметно темнело.

— Так что дела-то он делает, наш Олег Палыч! А Лилия Петровна к нему наезжала, особенно по предзимью, говорю же. Она тоже дама непростая, на каждом пальце по бриллианту вот эдакому, автомобиль у ней, шофёр. Денег давала, это у вас мода такая, у столичных, деньги давать на восстановление храма! После табличку прикрутят к кирпичам, мол, такой-то или такая-то помогали храм того, ремонтировать. Все довольны.

— И кого убили?

— Дак её и убили, Лилию! И, главное, говорят, Петрович убил! А он ни сном ни духом, вот те крест! Чтоб Петрович средь бела дня живого человека, да ещё

бабу, не сходя с места, удушил?! Быть не может такого! И главное, — тут старик подвинулся на сиденье и наклонился к Илье. От него странно, но приятно пахло то ли яблоками, то ли табаком. — Удушили-то её где?

— Где? — повторил Илья, контролируя профессора, чтоб опять не вылез с расспросами.

— Так у Зои в магазине! Ну, у Зои Семёновны, которая ещё экскурсоводом служит! Она магазин держит, там всякие скатерти, вышивки, кружева, бабская дребедень! Лилия-то Петровна страсть как любила прикупить чего-нибудь. Такого, говорит, полотна в Голландии не найдёшь!.. И покупает, Зойка-то и рада, кто там чего у ней берёт, слёзы одни. И в тот раз зашла. Ну, чегой-то спросила, а Зойка говорит: здесь нету, а дома есть, сейчас до дому сбегаю! И побежала, а Лилия в магазине одна осталась. Зойка возвратилась, а та на полу лежит и уж не дышит. Ну, сколь она бегала? Минут десять-пятнадцать, не боле. Тут полиция, Гошка прибежал. На покойницу вытаращился, рот открывает, чисто окунь! Ну, потом вырвало его в кустах-то, а как же, молодой пацанчик. Ну, в Ярославль стал названивать, а чего названивать, когда уж всё... Но! Не мог Петрович Лилию удушить, хоть у него, пьяного, какой-то ейный платок нашли или галстук, что ли!

— Секундочку, почему не мог-то?! — всё же встрял в разговор профессор Субботин. — Ведь если у этого алкоголика нашли какую-то вещь убитой...

— Помолчи, — властно сказал дедок. — Вот все вы такие, скороспелые! Не знаю, откуда там этот платок взялся, и знать не хочу, только Петрович сроду в Зойкин магазин не заходил и не зашёл бы никогда!

— Почему?

— А потому, Зойка — его бывшая, — как будто пропечатал старик и торжествующе откинулся назад. — Он из-за неё и запил, может!.. Когда она его на развод поставила!

— Что значит — поставила на развод?

— Ну, по суду с ним развелась, да ещё алименты с него потребовала. Он тогда сказал — не видать Зойке с меня ни копеечки, с завода уволился и стал горькую пить.

— Прекрасная месть, — оценил профессор. — Элегантная.

— Да ну тебя, чего языком мелешь!.. Вот менты приехали, всех алкашей местных обошли, у Петровича из кармана финтифлюшку Лилину выудили, составили протокол, и — готово дело! Сидит Петрович в Ярославском СИЗО, как будто он и убил. Вон даже в газете пропечатано! Раскрыто по горячим следам! По каким таким следам, спрашивается...

Илья подумал немного, стянул с шеи наушники и засунул в карман.

— Так, хорошо. А водитель этой дамы где был? Вы сказали, её водитель возит.

— Дак о чём и речь, парень! Не было в тот раз шофёра при ней, и где он обретался, и на чём она приехала, одному богу известно. Нет, потом-то, уж когда она... того... померла... подкатила машина, и шофёр выскочил, убивался за ней, как за матерью родной, но к магазину она пешком пришла, и Зоя божится, что не было автомобиля!

— Откуда она могла прийти? Из Москвы?

— Не иначе так! И Клавдия ничего не видала, я тебе про неё толковал, про Клавдию-то! Она утром за гриба-

ми маханула. Тоже баба несчастная, почитай, круглые сутки у плиты колготится, и бобылка, мужика-то нету. Вот у ней одно развлечение — в лес наладиться. Она, бывает, всякого впрок наготовит, бабам кухонным, подручным своим, ценные указания раздаст, и в лес, дух перевести. Ну, к обеду завсегда обратно на месте, на кухне, стало быть, а куда ж ей деваться, без неё всем делам остановка выходит. Дак она возвращаться одной дорогой могла, стало быть, мимо Зоиноного магазина. И Петровича она там не видала, ничего не видала.

— Кто такая... Клавдия?

— Как кто?! Повариха из «творчества»! Ох, знатная повариха! Так сготовит, вместе с тарелкой съешь и не заметишь! И из себя видная, нигде господь не обидел. А ты разве не в «творчество» следуешь, парень? По виду тебе туда прямая дорога.

Илья Субботин оттеснил профессора и сказал, что да, он в Дом творчества.

— А ты по какой части? Артист или, может, писатель?

— Пожалуй, писатель, — согласился Илья.

— А чего писать-то будешь? Роман? Или, там, поэму?

— Я ещё подумаю, — сказал Илья. — Пока точно не знаю. Поэму хорошо бы.

— Вот Клавдиной стряпни и отведаешь! Она там с утра до ночи пропадает, в доме этом, на кухне! Харч приготовляет. Творческие все прожорливые, страсть! Особенно когда выпьют.

— А вы с директором знакомы?

— Мы? С Олег Палычем?! Куда нам, пентюхам немывтым! Олег Палыч высоко летает, его телевизор

показывает — то здесь его за инициативу наградят, то там. Инициатива — это, стало быть, село Сокольничье и мы, его обитатели! А ты, может, и познакомишься. В «творчестве» об эту пору народу немного, десяток человек, а Олег Палыч во всё сам входит, очень о гостях печётся. Особенно после того, как Лилия Петровна так неудачно заехала!.. Клавдея рассказывала, он уж ахал и охал — распугают народ, ездить перестанут, сроду у нас тут смертоубийства не было. Ни при Советах, ни при новой власти. А без народа нам куда? Некуда. Народ есть — денежки капают, а нет, так и... щипустые.

Электричка взревела и стала плавно притормаживать.

— Тебе сходить, парень, — озабоченно сказал дедок, глянув в засиневшее окно. — А мне на следующей. Раз ты в «творчество», так повидаемся ещё, все на одном пятаке толчёмся, все в Сокольничьем. В Воскресенскую-то церковь сходи, красотища там неописуемая!..

— Непременно, — пробормотал вежливый профессор, — благодарю вас.

— Бывай, бывай, — развеселился старик.

Задевaya объёмистым рюкзаком за спинки сидений, Илья пошёл к выходу и из-за раздвижных дверей тамбура, где крепко пахло табачным дымом, оглянулся. Его попутчик выудил из газетного кома листок и расправил, видимо, приготовляясь читать.

На вечернюю платформу из освещённой электрички вывалился народ, довольно много, на здании вокзала надрылся громкоговоритель — «при выходе из поезда не забывайте свои вещи», — за линией тёмных

лип на площади уже зажглись фонари. Там толпились таксисты и из машин неслась музыка.

Илья поправил на плече рюкзак. Становилось холодно, воздух после тепла электрички казался колким, и хотелось сунуть руки в карманы.

Он спустился с платформы и пошёл вдоль решётки. «Пироги печёные, жаренные в масле» — сама собой прочиталась вывеска, и Илья подумал, что не отказался бы сейчас от пирога печёного, и от жаренного в масле тоже не отказался бы.

...И всё же странный старик! История, которую он рассказал, казалась почти невероятной. Собственно, не сама история, уточнил педантичный профессор, а момент, когда словно из воздуха материализовался его попутчик и начал рассказывать. Так не бывает, если исходить из некоей логики. Но старик совершенно точно был, от него приятно пахло то ли табаком, то ли яблоками, и история тоже была рассказана...

— Такси, такси до гостиницы! До Дома творчества машинка! В центр, в центр поедem? Дешевле только даром!.. Садись, парень, чего ноги топтать!..

Со всех сторон на него наседали таксисты, одного, совавшегося прямо в лицо, пришлось даже отстранить рукой.

— Вы в Дом творчества?

Илья оглянулся на запыхавшегося мужика и кивнул. Мужик на ходу достал из кармана бумажку, поднёс близко к глазам и прочитал почти по складам:

— Субботин Илья Сергеевич?

Таксисты, поняв, что состязание проиграно, приотстали.

— Он самый.

— Во-он машинка, Олег Палыч за вами выслал. Опоздал я маленько, переезд закрыт был. Хотя тут напрямки всего ничего, а если вкругаля, долго выходит...

Илья кинул в багажник рюкзак, помедлил секунду и уселся на переднее сиденье. Профессор Субботин никогда рядом с незнакомыми людьми не ездил, осторожничал и отчасти брезговал.

— Надолго к нам? В первый раз? — выворачивая руль и беспрестанно оглядываясь через плечо, спрашивал водитель. Он и спрашивал, и сам себе отвечал, машина двигалась неровно, рывками. — Видать, в первый, раньше я вас тут не видал! У нас хорошо, особенно летом! Речка рядом, водохранилище! Рыбалка, все дела. Сейчас, конечно, какая рыбалка, заглодало.

Он вырулил со стоянки и, кажется, вздохнул с облегчением. И машина вздохнула и покатила, не торопясь.

— Сейчас народу мало, но оно и хорошо. К нам за тишиной едут, за спокойствием.

— Да я слышал, что не слишком тут спокойно, — осторожно начал Илья.

— Это в каком же развороте? — удивился водитель. — У нас тишина такая, вот лист с дерева слетит — слышать. Или, к примеру, птица малая крыльями захоркает...

— Да не птица, а женщину какую-то убили.

— Это да, — сокрушённо признался мужик. — Это было. Раззвонили на всю область через Интернет, да ещё по телику показали! Главное дело, можно подумать, только в Сокольничьем такое бывает! Кругом так! Куда ни ткни, везде обстановочка так себе, везде балуются...

— Хорошее баловство, — пробормотал профессор Субботин. — Убийство!..

— Да этого, который её задушил, сразу и взяли. Он, козлина, шарфик с неё сдёрнул, видно, продать хотел, так его с этим шарфиком и повязали. Так что вы не беспокойтесь, у нас тут всё под контролем.

— Под контролем, — повторил профессор себе под нос, и водитель скосил на него глаза.

— Вообще-то Олег Палыч нам строго запрещает про это говорить, про убийство, в смысле. Сплетни только разводите, а сами не знаете ничего, это он про нас, про персонал. — Слово «персонал» он выговаривал словно с удовольствием. — А как не говорить, если нас спрашивают! Вон третьего дня дочка приехала ейная, ну, на машине, конечно, не вот на поезде! С женихом или с кавалером. Я их в Тутаево в Новоспасский собор возил, жених, видать, выпил маленько, за руль не полез. Так она меня тоже расспрашивала, дочка-то. И чего? Я молчать, что ль, должен?

— Чья дочка приехала?

— Покойной этой, — охотно объяснил водитель. — Убитой, то есть. Молодая девка, красивая, одета, как в журнале! Всё при ней. Я, говорит, в храм поеду, за упокой души мамашиной свечку поставлю. В Тутаево храм старый, намоленный.

О дочке Илья Сергеевич предупреждён не был, и это его встревожило. Что понадобилось дочке на месте убийства матери? Да ещё так скоро? Прошло всего несколько дней.

— Так что вы отдыхайте себе спокойно, — продолжал водитель. — У нас места сказочные. Повариха

в Доме творчества знатная, накормит от души, точно говорю.

— Клавдия? — проявил осведомлённость профессор Субботин.

— Она! А вы о ней уж слышали, да? Я ей, главное, говорю: тебе, Клав, в сериале «Кухня» сниматься надо, а она мне: иди ты к шутам! Смеётся, значит. Вот она ругалась, когда эта петрушка приключилась, убийство, то есть.

— Почему ругалась? — не понял Илья.

— Да она тем днём с работы отпросилась и в грибы подалась, а возвращалась как раз, когда алкаш этот тётку душил. Эх, говорит, мне бы догадаться к Зое вернуть-то, мимо же шла! Может, ничего и не было бы, спугнула бы его, да и все дела. Зоя — это магазин «Народный промысел», — пояснил водитель, — там убийство и содеялось. Вот так живёшь, живёшь, не знаешь, где помрёшь!

И он глянул на пассажира, ища сочувствия и поддержки. Видно было, что ему хочется ещё поговорить о таком ужасном и огромном событии, посмаковать детали, изложить подробности, скорее всего выдуманные. Не зря директор Олег Палыч обеспокоен и запрещает «персоналу» сплетничать! Впрочем, Илье разговорчивость водителя была только на руку.

— А я слышал, что арестовали не того, — сказал он неторопливо. — Что алкоголик этот не виноват ни в чём.

— А кто тогда виноват? — обиделся водитель. — Я, может? Или Клава? Не, там без вариантов, Петрович это.

— Зачем вашему Петровичу понадобилось душить постороннюю женщину?

— Ничего он не мой! Какой мой-то?!

— Да ещё среди бела дня, да ещё в магазине? Туда в любой момент мог кто-нибудь зайти! Да и задушить непросто на самом деле. — Тут профессор попытался прикинуть силу натяжения шнура, необходимую для убийства, но остановил себя.

— Грабануть он её хотел, на водяру небось не хватало! Вот и убил.

— И... грабанул?

— Не, — покачал головой водитель. — Только шарфик и взял. Видать, перепугался.

— Остроумно, — заметил профессор Субботин. — Убить с целью ограбления и ничего не взять, кроме шарфа. Очень остроумно.

— Другое дело, — тут водитель понизил голос и слегка наклонился в сторону пассажира, словно решил сообщить некую тайну, — что я мимо магазина ехал, ну, минут за несколько до того, как... Ну, до того! Дверь нараспашку была, Зойка всегда так оставляет, когда открывает. Чего внутри там было, не знаю, с улицы не видать, только на лавочке сидел кто-то. То ли спал, то ли пьяный, я не понял. Я на него и не глядел, мне там поворачивать надо...

— Секундочку, — перебил профессор. — Кто сидел? Знакомый, незнакомый?

— Не, незнакомый. Он вот вроде... дремал как будто! Я ещё подумал: вставай, мужик, холодно, одно место отморозишь!.. А Петровича я после увидел, он от пристани вверх поднимался. Ну, пьяненький уже, конечно. Тоже вот что значит — судьба, а? Знал бы я тогда, что он тётку эту идёт душить! Ну, приехали. Говорю же, если напрямки, тут две минуты! У нас здесь всё рядом.

По тому, как водитель выскочил из машины, как открыл заднюю дверь и подал рюкзак, Илья понял, что хорошо бы ему заплатить, несмотря на то, что машину за ним «прислали». Он вытащил из заднего кармана джинсов купюру, сунул в холодную, жёсткую, как наждак, ладонь, и, видимо, сунул больше, чем требовалось, потому что водитель подбежал и открыл перед ним дверь.

— Вы, если куда понадобится, в Тутаево или на станцию, сразу мне звоните! Вот телефон мой, я мигом подъеду.

Илья пообещал звонить, подождал, пока машина в несколько натужных приёмов развернётся и уедет, и огляделся по сторонам.

Хорошо освещённая, широкая мостовая перед нарядным подъездом в русском стиле была вымощена брусчаткой, скорее всего — недавно. Старая, по всем правилам уложенная брусчатка не шумит и не воет под колёсами. Вдоль двухэтажного купеческого особняка горели солидные фонари, и все окна светились празднично, полоска газона была зелёной, ухоженной, как будто летней. Вход располагался в полукруглом эркере, тепло и призывно освещённом изнутри, с невысокой белой балюстрадой на уровне второго этажа.

...Вот молодец Олег Палыч! Оборотистый мужик, ничего не скажешь!..

Мостовая, постепенно расширяясь, переходила в небольшую уютную площадь, с двух сторон окружённую каменными двухэтажными домами. С третьей стороны был прудик, в котором колыхалась и подрагивала от ветра тёмная вода. Посередине площади высилась колокольня. Интересно, это та самая, которая чуть было не завалилась?..